

Другая группа «минусов» связана со специфическими свойствами студентов как детей своего времени. Во-первых, в последние годы для студентов характерна некая алгоритмизация мышления. Поколение ЕГЭ со школьной скамьи привыкло к тому, что на всё должен быть однозначный ответ, что определенный порядок действий приведет к предсказуемому результату. Их ставит в тупик то, что не соответствует их ожиданиям. Однако это приводит к тому, что студенты уточняют информацию, которая не согласуется с их представлениями, и таким образом записывают ценные комментарии, вызывают рефлексию исполнителей. Во-вторых, прагматизм отношения современных студентов к жизни вообще может повлечь за собой прагматичное же отношение к собираемому материалу. Как следствие — студенты записывают не только то, что требуется, но и то, что, по их мнению, может им самим практически пригодиться. И здесь могут быть неожиданные находки. Студенты фиксируют то, что опытному собирателю кажется несущественным или на что у него просто не хватает времени: кулинарные и медицинские рецепты, схемы вязания, значения карт в гадании и т. п. В результате круг материала расширяется. В-третьих, расточительное отношение к технике и технологиям. Как следствие, студенты пишут на диктофон всё интервью в режиме non-stop, потом сами мучаются оттого, что много надо расшифровывать. Однако при таком подходе уменьшается вероятность что-либо упустить.

Разумеется, преподаватели должны проводить серьезную подготовительную научно-методическую и психологическую работу в рамках факультатива, специального семинара или научного кружка, устраивать круглые столы с приглашением профессиональных полевых исследователей, приветствовать организацию студентами форумов и групп собирателей в сети Интернет. В самой экспедиции надо шефствовать над начинающими, проводить мастер-классы, вместе обсуждать записанное, почаще радоваться удачам новичков.

М. Г. МАТЛИН
(Ульяновск)

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О СОБИРАТЕЛЯХ XIX В. КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ (на примере собирателей- краеведов Симбирской губернии)

Одна из настоятельных задач, которая должна способствовать осмыслению истории русской фольклористики XIX—XX вв. — обращение к личностям собирателей-краеведов. Это поможет не только отдать долг их скромному, но чрезвычайно важному для истории науки труду, но и увидеть некоторые новые закономерности и особенности развития как самой науки, так и ее роли в развитии русской региональной культуры и провинциальной интеллигенции. Особенно важно это для второй половины XIX в., ведь, как известно, принципиально новый этап в развитии русской фольклористики начинается в середине XIX в. Проводимые в этот период Александром II социальные, экономические и государственные преобразования обусловили, в том числе, демократизацию русской жизни и формирование быстро растущего слоя интеллигенции. Именно с нею прежде всего связано и возникновение новых общественных научных организаций и принципиальное изменение в деятельности уже существовавших. С появлением в 1860 г. «Положения о губернских и областных статистических комитетах» сбор сведений об исторических памятниках вводится в круг обязанностей статистических комитетов. С этого же времени они начинают активную издательскую деятельность, публикуя прежде всего в памятных книжках исторические, этнографические и фольклорные материалы.

«Славянская традиционная культура и современный мир» (ГРЦРФ, 24—26 мая 2011 г.)

Тогда же историко-этнографические и фольклорные материалы начинают широко печататься в неофициальной части губернских ведомостей. При этом часто с очерками или небольшими заметками выступали как раз члены статистических комитетов, в первую очередь их секретари. Нередки были случаи, когда собирательская и публикаторская работа завершалась изданием серий сборников.

Второй важнейшей организацией, пришедшей на смену статистическим комитетам, стали губернские ученые архивные комиссии, продолжившие всестороннее изучение региональной культуры и объединившие, но уже на более широкой основе, местную интеллигенцию.

Приступая непосредственно к рассмотрению особенностей развития собирательской работы на примере Симбирской губернии, считаем необходимым также обосновать вынесенное в заглавие выражение «биографические сведения» вместо привычного «биографии». Во-первых, далеко не все провинциальные краеведы-собиратели имеют «биографии» в точном смысле этого слова. Во-вторых, фольклористическая и этнографическая работа многих из них носила спорадический и весьма ограниченный по времени характер. В-третьих, даже если удастся выявить достаточно большой массив биографических сведений, они, в силу вышеуказанных обстоятельств, мало чем могут помочь в уточнении истории русской фольклористики. В силу указанных ограничений мы останавливаемся на биографических сведениях из жизни трех симбирских краеведов-собираателей: В. П. Юрлова, М. В. Арнольдова и М. И. Извощикова. Прежде всего отметим, что они отличаются по происхождению, образованию, служебной деятельности, степени участия в культурно-просветительской и общественной жизни Симбирска. Это,

во-первых, свидетельствует о широте социально-культурного слоя провинциальных краеведов-собираателей, а во-вторых, помогает понять некоторые как общие, так и индивидуальные особенности их фольклорно-этнографической деятельности.

Происхождение, образование, социальное положение существенно отличает их друг от друга. Но в то же время это мало повлияло на причины, определившие их обращение к собиранию фольклора. Оно у них во многом было вызвано внешними и случайными обстоятельствами и не породило в дальнейшем устойчивой и систематической деятельности в этой сфере, хотя и обусловило различие в принципах работы.

У всех названных краеведов совпадают принципы фиксации традиционной культуры и фольклора и представления их в печати. Во-первых, далеко не всегда они считали нужным хотя бы минимально паспортизировать записи. По-видимому, здесь сказалось и общее отношение к фольклору как народному творчеству, так что считалось достаточным указать село или даже уезд. Во-вторых, отметим разное отношение к преданию как историческому источнику и песне — произведению устной народной словесности. Что касается попыток научного или общекультурного осмысления традиционной культуры и фольклора, то они присутствуют в весьма ограниченном виде только у Юрлова и Арнольдова.

В отдельных биографических сведениях провинциальных краеведов, спорадически занимавшихся собиранием и публикацией фольклорно-этнографических материалов, есть такие факты, которые представляют интерес для истории русской фольклористики, ее становления и развития в провинции, а также способствуют более точной характеристике источниковедческой базы современных фольклористических исследований.